

С. ЛОЙТЕР

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ НА БЕРЕГАХ ВОДЛЫ

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что из русских сказок Севера наименее известной оказалась сказка Пудожского края, одного из наиболее фольклорных в Карелии, снискавшего ей, наряду с Заонежьем, открытиями П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга славу «Исландии русского эпоса». В конце 30-х годов нашего века в Пудожском районе были записаны хорошо сохранившиеся былины, составившие сборник «Былины Пудожского края» (1941). Причитания периода Отечественной войны, записанные здесь в 40-е годы В. Г. Базановым и А. П. Разумовой, вошли в фундаментальный сборник «Русская народно-бытовая лирика». И это далеко не все, что характеризует устное поэтическое творчество Пудожского края. Судить о его сказочной традиции на основании имеющихся на сегодняшний день публикаций нельзя. Несколько текстов в дореволюционных записях имеется в сборнике «Русские сказки в Карелии», подготовленном и прокомментированном М. К. Азадовским. Отдельные записи 30—40-х годов А. В. Беловановой и К. В. Чистова найдем в сборнике избранных сказов Карелии «Перстенок — двенадцать ставешков». В то же время сказки соседнего Заонежья, записанные известными фольклористами И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым в 20-е годы, составили два ценных сборника — «Сказки и предания Северного края» и «Северорусские сказки».

Сегодня пудожская сказка — достояние архивов. Пока о ней говорят лишь скупые слова отчетов фольклорных экспедиций Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР и МГУ за 50—60-е годы.

Судьба старой сказки predetermined. Как и другие традиционные жанры устной поэзии, она неминуемо уходит из народного быта. Неотвратимы и закономерны угасание, распад классической сказки. «Полноценной творческой жизнью, — пишет один из ведущих советских сказковедов Э. В. Померанцева в монографии «Судьбы русской сказки», — старая традиционная сказка живет в очень немногих местах —

преимущественно в дальних районах Карелии, Башкирии, Архангельской области».

Надеюсь, что некоторые материалы и наблюдения трех фольклорных экспедиций, в которых участвовал автор этих строк и студенты-филологи Карельского педагогического института летом 1971—1973 годов, хоть в какой-то мере поведают о бытовании и живых носителях сказочной традиции Пудогги. Свою работу мы вели в населенных пунктах, которые расположились вдоль устья Водлы: Шала, Зехово, Гагарка, Теребовское, Понизовье, Дунаево, Рагнозеро, Семеново, Кашино, Трубино, Михалево, Боцилово, Подпорожье, Шалуха, Филимошиха, Пудож. Мы не ставили своей задачей записывать только сказку. Нас интересовало современное состояние всех жанров традиционного фольклора. Мы встретили интересных, поэтически одаренных людей — знатоков лирической песни, свадебного обряда, частушки, пословицы, прибаутки и сказки.

Одно из самых ярких впечатлений — встречи с Пелагеей Михайловной Семкиной. Мы «высадились» в деревне Семеново, том самом Семенове, что прославилось замечательными сказителями нашего времени Ф. А. Конашковым и А. М. Пашковой. Семеновские женщины, узнав о цели нашего приезда, единодушно направляли нас к Поле Семкиной, которая «много всего знает и напоеет, и наскажет». Мы переправились на противоположный берег Водлы (это уже деревня Кашино), где у самой реки стоит дом Пелагеи Михайловны. Здесь она живет с сыном, невесткой и тремя внуками, которые, кстати сказать, очень помогли нам: перевозили всякий раз на своей лодке, заменяли «бабу Полю» на хозяйстве, помогали вспомнить забытую песню или сказку, слышанную много раз от бабушки. У Пелагеи Михайловны крупное лицо, живые, умные глаза. Она бодр, подвижна, приветлива. Наши магнитофонные пленки и полевые тетради содержат много текстов самых разных жанров, записанных у Пелагеи Михайловны, в том числе причитание «Расступись-ка, мать сыра земля». Этот плач П. М. Семкиной, запи-

санный в 30-е годы фольклористом М. Михайловым, вошел в сборник «Русские плачи Карелии». По словам исполнительницы, слышала она все от своей матери — сказительницы Ирины Павловны Савинковой, сказки которой помещены в упомянутом сборнике «Перстенок — двенадцать ставешков».

Мы записали от Пелагеи Михайловны пять сказок, которые рассказывает она, «играя», имитируя голоса персонажей, сопровождая жестами. П. Семкина строго соблюдает обычную композиционную схему сказки, бережно хранит эпические формулы и сказочные обороты.

Маленькая, щупленькая Аграфена Матвеевна Пустошкина, «тетя Груша» из Шалы, сама пригласила нас к себе и сразу начала со сказок, которые слышала давно от матери — «я от нее быдто немножко». Рассказывала она обстоятельно, стремясь донести все, что делает сказку поэтичней, красивой. В большой волшебной сказке «Про Марью и ее детей» рождение чудесных детей передается следующей сказочной формулой: «Родила она трех сыновей. По коленкам ножки в золоте, по локоткам ручки в серебре, впереди солнышко, позади месяц, а на косицах мелкие звездочки». А в «Сказке про медведя» несколько раз, не уставая, она повторяет: «Скиру, скиру, на липовой ноги, на березовой клюхи, по селам-то спят, по деревням-то спят, одна баба не спит, на моей кожи сидит, мое мясо варит, мою шерстку прядет, ребятам вернички вяжет». Любит Аграфена Матвеевна украсить свою речь рифмой, приговоркой. В «Сказке про солдата» сын просит послать «шубку, да точива трубку, да масла кадушку, да хлеба мякушку». Записали мы от А. Пустошкиной своеобразный вариант бытовой сказки о ленивой жене.

Одиннадцать сказок рассказала нам Анна Ивановна Ефремова из Пудожа. Жизнелюбивая, расположенная к шутке, она особенно хорошо помнит сказки-небылицы, содержащие в себе игру словом, невероятную историю, перевертыш. Юмор «небыличной» сказки, основанной на словотворчестве, оказался по душе и Пелагее Максимовне Шалиной из Пудожа.

Среди тех, кто дарил нам сказку, — Анна Ильинична Репина из Шалы, Ольга Андреевна Стурмина из Зехова, Матрена Акимовна Лыдина и Мария Яковлевна Голодова из Пудожа, Евдокия Николаевна Неркина из деревни Шалуха и многие другие. Всем им наше глубокое уважение и чувство благодарности. Они и убедили нас в том, что, несмотря на явные признаки угасания, сказка еще живет. Тем заботливее надо собирать и хранить это искусство последних носителей устной поэзии, ибо, говоря словами известного фольклориста К. В. Чистова, «песня и сказка не пережиток и не музейный экспонат, а ценное народом художественное наследие и, вместе с тем, элемент поэтической культуры наших современников». Уход песни и сказки «из быта народа еще не означает их ненужности нашим современ-

никам и последующим поколениям. Стремясь к духовному изобилию, мы должны относиться к ним максимально бережно, записывать, сохранять и издавать, способствуя их «второй жизни» в книгах».

Среди наших записей сказок почти нет сюжетов, которые не содержались бы в принятом русской фольклористикой «Указателе сюжетов Н. П. Андреева по системе Аарне» (в дальнейшем ук. АА). Но в фольклоре ценны не столько новизна сюжетов, число которых, если говорить о сказке, постоянно, сколько новизна переработки, новое истолкование, новая интерпретация старого сюжета.

Из имеющихся у нас записей сказок мы предлагаем небольшую часть, интересную новизной разработки старых сюжетов, либо поэтичностью, местным колоритом сказочных действ. Сохраняем особенность речи сказителей.

ПЕЛАГЕЯ МИХАЙЛОВНА СЕМКИНА.

66 лет, д. Кашино

Старуха и лапотъ

Жила-была старуха, бедно жила. «Пойду, говорит, по миру, что ни найду ли хоть на прокормежку». Взяла лапотъ и пошла. Пришла в другу деревню. «Ночевать пустите вы меня», — говорит. — «Ну, поди, бедна старуха, поди, горетник», — говорят ей. Ну, она зашла. Говорит: «Куда бы лапотек мой класть?» А хозяйка-то говорит: «Так брось под лавку куда-ни лапотек». — «Нет уж, мой лапотек не живет под лавкой, он живет с курицами». — «Ну, клади в курятник, уж лапотек не заклюют курицы». Ну, покормила старуху, попили. Она утром выстала: «Где-то у меня пестрая курушка, где-то у меня баженая?» — «Да ты что, глупа старуха, ведь у тебя лапотъ был». — «Какой лапотъ? Если мне курицы не отдаете, дак я в суд пойду, так две возьму». Ну ладно. Вот беда. Хозяйка подумала-подумала и говорит: «Ну что судиться со старухой?» Дак уж взяла курицу, отдала. Она опять и пошла дальше. Иде дальше, в другу деревню пришла. Говорит: «Пустите вы меня к ночи». Ну, хозяйка говорит: «Поди, бедна старуха, поди, горетник». Ну, зашла. Тут покормили старуху. Она говорит: «Дак у меня еще курушка есть. Куда ее класть?» А говорит: «Курица? Курицу клади в курятник. Да ништо с курицам. Ночью дак не будут клеваться». — «Нет, моя уж курица дак не сидит в курятнике, моя курица во хлеви с овцами». Ну ладно. С овцами так с овцами. Снесли в хлев да кляли. Утром выстала, говорит: «Где-то моя беленькая овечка, где-то моя голуба овечка?» — «Да что ты, глупа старуха, ведь у тебя была курица». — «Нет, овца. Если мне, говорит, овцы не отдаете, дак я в суд пойду, дак две возьму». Ну что. Поговорили-поговорили да отдали старухе овцу. Идет старуха дальше, с овцой теперь уж. Шла да была. Выпросилась в деревню опять ночевать. «Да я-то, говорит, в избе ночую, дак куды овцу-то мне класть?» — «Да клади

к овцам». — «Нет, уж моя-то овца не живет с овцами. Она живет с телятами». — «Ну, с телятами дак с телятами. Клади, говорит, во хлев». Клала во хлев. Утром выстала: «Где-то мой билюшко, где-то мой дорогой?» — «Да ты что, глупа старуха, ведь у тебя не бык-то, ведь овца». — «Нет уж, у меня бык. Не даете, дак я в суд пойду, дак два возьму». Ну, победовали-победовали, отдали быка. Ну, она тут попросила в деревне, чтобы дровни ей сделали. Запрягла быка, поехали. Едет да кричит: «Тпруньди, бычок, яровой хвостичок, я быка по кожи, а бык по дороге». Вдруг идет заяц: «Куда, бабушка, поехала?» — «К морю, говорит, за солью». — «Возьми-ко меня». — «Садись». Ну, заяц сел. Она едет да эту песню опять поет: «Тпруньди, бычок, яровой хвостичок, я быка по кожи, а бык по дороге». Ехала да была. Идет волк. «Куда, старуха, поехала?» — «К морю, говорит, за солью». — «Возьми меня». — «Ну и садись». И его взяли. Потом ехала да была. Песню поет тыю же саму: «Тпруньди, бычок, яровой хвостичок, я быка по кожи, бык по дороге». Медведь выкапывает: «Куда, старуха, поехала?» — «К морю за солью, говорит, поехала». — «Возьми меня». — «Да садись». Медведь сел. Ехали да были. Оглобля сломалась. Ну, сломалась оглобля. «Поди, говорит, заяц, принеси оглоблю». Заяц прутьшек принес. (Кака тут оглобля?) Потом: «Волк, ты, говорит, потолковее, так принеси». Волк палку каку-то принес. «Ну, мишка, поди ты сходи, говорит, ты вырубишь оглоблю». Ну, а мишка сходил да бревно принес. (А с бревна кака опять оглобля?)

— «Вот на беду-то я попала. Ну-ко вы постройте, я сама схожу». Пошла оглоблю рубить. Пока бродила, ходила, медведь, да волк, да заяц все мясо съели, быка-то этого распорол. Она пришла: быка нету, да никого нету, да и пассажиров нету. Вся сказка. Вот вам и сказка.

(Ук. АА № 170+158; записали С. Лойтер, В. Вахрамкова, В. Иванова в июле 1971 года.)

Петух и жернов

Жили-были мужик да баба. У них был сын Ванюшка и дочь Машенька. Ну вот. Жили, конечно, бедно. Мужик да баба померли. Остались Ванюшка, да Машенька, да еще петух. Ну, что ни есть, ни пить — ничего у них не было. Вот пойдут на работу к богатому даваться — не берут. «Каки с вас работники?» Ну, Маша говорит: «Давай, Ванька, убьем петуха». А он говорит: «А что убить петуха? Много ли с этого петуха мяса. А хоть он нас разбудит, а то мы проспим день и ночь». Маша и говорит: «Чего бы нам продать?» — «А что ты продашь, ничего у нас нет. Пойдем поищем в подполье, нет ли чего». Пошли, опустились в подполье. Ходили-ходили. А Маша кричит: «Ванька, Ванька, я жернов нашла». — «Ну так что жернов? Жерновом ведь надо рожь молотъ, а у нас ржи нет. Чего, говорит, будешь молотъ?»

Он подошел к жернову да крутнул жернов, а оттуда блин да пирог, да каши горшок, да масла маслица. Ну, оны наелись, петуха накормили и стали жить. Что живут, дак и забыли нищету. Узнал про это царь, что какой-то интересный жернов есть у ребят. Послал слуг. Слуги забрали у этих ребят жернов да увезли туда, к царю. Царь повернет жернов, а оттуда блин да пирог, да каши горшок, до масла маслица. Ребята голодовали-голодовали. Петух и говорит: «Я полечу к царю, жернов возьму обратно». — «Да как ты, говорят, возьмешь жернов обратно? Разве он тебе отдаст жернов?» Вот прилетат туда в столицу к царю и кричит: «Ку-ка-ре-ку! Отдай, царь, жернов! Бабины да дедовы ребята с голоду умирают, на ужину хлеба не хватает. До того допел, до того допел, надоел царю. Говорит: «Давайте убивайте, слуги, петуха да зажарьте». Петуха этого убили и зажарили, царю поднесли. А царь, конечно, петуха съел. Съел. Дак он там, в брюхе-то, спокою не дават. Все кричит: «Ку-ка-ре-ку! Отдай, царь, жернов! Бабины да дедовы ребята с голоду умирают, на ужину хлеба нехватает. Надоело царю. Говорит: «Слуги, разрежьте брюхо, пускай вылетит петух». Ну, слуги разрежали брюхо, петуха выпустили, отдали ему жернов. Привезли жернов на место. Маня да Ваня опять стали жить да поживать, да добра наживать. Ну и все. Вся сказка.

(Ук. АА № 715; записали С. Лойтер, В. Вахрамкова, Т. Богданова в июле 1971 г.)

Сказка про Машеньку

Жили да были мужик да баба. Да у их была дочь. Заболела жена у мужика. Умерла. Остался отец с этой Машенькой. Хуже им, конечно, было жить. Отец женился. Взял мачеху — бабу каку-то. Не влюбила эта мачеха Машеньку. Свою дочь налаживает, а Машеньку не любит. Потом говорит: «Старик, свежи в лес, в лесову избушку. Я, говорит, ей муки кладу да всего, пускай она там живет в лесовой избушке». (Сама вместо муки клала ей золы). Ну что сделаешь? Старик взял, привез. Оставил эту Машеньку в лесовой избушке. Она затопила печку. Ну и давай пекти пироги (все-таки как-то оказалась с мукой). А из-под печи мышка выбежала, говорит: «Девушка, блинка да пирожка!» Она дала ей блина, пирожка дала, накормила мышку. Мышка спряталась. Ну ладно. Ночевать уж. Вдруг посередь ночи со всей силы ломится, кричит — медведь: «Пусти!» Ну, она пустила этого медведя. Он и говорит: «Девушка, давай в жмурки играть. На колокольчик. Бегай да звони, а я буду тебя унимать». Ну, она взяла колокольчик. (Дак далеко ли от медведя убежишь?) А мышка-то из-под печки выскочнула и говорит: «Девушка, давай сюда колокольчик. Иди в подпечек». Машенька запихалась в подпечек. А она взяла колокольчик и бегай, и бегай, и бегай по печам, и по полам, и везде. Бегай и звонит. Ну, медведь этот бегал-бегал, бегал-бегал. Устал. «И молодец ты,

девка, в жмурки играть». Ну и ушел. Опять втора ночь пришла. Машенька затопила печь. Стала блины пекти да пироги. Опять мышка с подпечку: «Девушка, блинка да пирожка!» Машенька накормила, блинка да пирога дала. В полночь сама легла спать. Опять шумит-гремит. Медведь идет. Открыла дверь. Ну, он опять: «Девушка, давай в жмурки играть. На колокольчик, звони». Она взяла колокольчик. А мышка с подпечка: «Давай сюда колокольчик, сама лезь в подпечек». Ну, Машенька запихалась в подпечек. А мышка с колокольчиком и везде: и по скамейкам, и по печкам, и по полицам. Бегал-бегал медведь. Не мог никак. «Ну, ты молодец, говорит». На третью ночь опять пришел медведь. Опять сбавила мышка Машеньку. Потом четверта ночь приходит. Вдруг двери открылись. Он тянет целый сундук добра. Всякого добра привез. «На, говорит, тебе за все».

А там старуха говорит: «Дед, поезжай, вывези Машкины кости, с тых пор уж замерзли». Ну, поехал старик. Как приехал, Машеньку не узнал. Навалил старик это добро и поехал. А у них была собака. Выскочнула за ворота и кричит: «Тяф-тяф-тяф-тяф! Дедко едет, Машеньку везет, с добром, с добром». А старуха его ухватом. «Ничего, говорит, не знаешь». Ну, приходят, несут. А у старухи глаза разбежались. «Как это так? Вези мою девку в лес!» — старуха командует. Ну, наклала всего: и масла, и рыбы. Тая приехала, печку затопила тоже. Блины пекет, рыбки пекет. А мышка с подпечка: «Девушка, блинка да пирожка!» А она: «Ой, и тебе блинов да пирогов». Да хлоп ее ухватом по голове. Вдруг ополночи опять медведь является. Говорит: «Девушка, давай в жмурки играть. На колокольчик, бегай да звони. Я тебя буду унимать». (Ну долго ли она пробегает, ведь немышь). А медведь сразу схватил да съел, да и все. Ну вот. Так две ночи и прошло. Потом старуха говорит: «Старик, поезжай-ка за добром». Старик приехал. Там девка-то съедена. Косточки в мешок склал да повез. На телеги-то костья лободают. А собака опять выскочнула: «Тяф-тяф, тяф-тяф! От бабкиной дочери дедко костья везет, на телеги лободают». А она в нес палкой. А костья и есть.

А эта Машенька вышла замуж за хорошего. Да и до сих пор живет.
(Ук. АА № 480 С; записали С. Лойтер, В. Вахрамкова, В. Иванова в июле 1971 г.)

АННА ИЛЬНИЧНА РЕПИНА,

75 лет, п. Шала
Коза-дребеза

Жили-были дедка да бабка. У них была коза. Ну и вот. Выстал дедушко и послал бабку пасти козу. Бабка пасла-пасла козу эту и домой повела. А дома дедко спрашивает: «Коза ты моя козенька! Пила ли, ела ли?» — «Не пила, не ела. Бежала через гребенку, ухватила воды капельку. Как бежа-

ла через мосток, ухватила кленовый листок».

Ну и вот. Дедка старуху прогнал с дому. Послал мальчишка пасти. Опять мальчишка целый день пас. Напоил, накормил, опять и гонит домой. И опять старик спрашивает: «Коза ты моя козенька! Пила ли, ела ли?» — «Нет, дед, не пила, не ела. Бежала через гребенку, ухватила воды капельку. Как бежала через мосток, ухватила кленовый листок».

Ну и парня дедка прогнал. Сам пошел пасти. Опять целый день пасет. Опять пригнал домой и спрашивает: «Ну, коза ты моя козенька! Ела ли, пила ли?» — «Не пила, не ела. Бежала через гребенку, ухватила воды капельку. Как бежала через мосток, ухватила кленовый листок».

Дед козу привязал и налупил ей. Коза убежала в лес. Забралась она в заячью избушку. Забралась она туда, заложилась. Вдруг прибегает заяц: «Кто там в заячьей избушке?» — «Я коза-дребеза, по бокам луплена, за три копейки куплена. Топу-топу ногами, сколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замечу». Заяц сидит, плачет. Идет волк. Заяц плачет: «Волк, не могу никак. Коза забралась, не пускает». Волк: «Ну, отворяй, проклятая!» — «Нет. Я коза-дребеза, по бокам луплена, за три копейки куплена. Топу-топу ногами, сколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замечу». Пришел медведь. Медведь пришел, как забурандал да застучал. Коза пала и убила. И все.

(Ук. АА № 212; записали С. Лойтер, А. Маркова, И. Шабанова в июле 1972 года.)

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА СТУРМИНА,

63 года, д. Зехово
Мужик и барин

Крестьянина кузнец взялся перековать на молодого. Сперва в теплу воду, потом в холодну. В горно, с горна, в холодну, теплу. И такой вышел молодец, дак не в сказках сказать, ни пером описать — молодец молодцом. Узнал про это купец. Ну и приехал. «Сколько хошь бери казны моей, не буду рядиться, а сделай меня таким, как вот он». Ну, кузнецу нечего делать. Взялся, ковал-ковал, бил да и сожгал, сожгал на уголь. Кузнеца туды-сюды, что вот почему ты его сожгал.

«Дорогие товарищи, а барско тело не идет в дело. Из крестьянина, говорит, можно сделать человека, а из барина не сделать». А и кузнеца не стали судить.
(Ук. АА № 1528; записали С. Лойтер, А. Коврига, Л. Новожилова, А. Марук в июле 1972 года.)

АГРАФЕНА МАТВЕЕВНА ПУСТОШКИНА,

76 лет, п. Шала

Сказка о ленивой жене

Жили Иван да Марья. Иван был проворной, хорошей, а Марья леная была. Вот он Марью отправит жать: «Иди, Марья, жни! Вечером приду, тебя запроведу».

Она и уйдет. Немножечко выжнет, снопок другой, да спать. Спит-спит, а вечером выстанет да пойдет. Придет, а Иван спрашивает: «Ну, Марья, много ли сделала?» А она отвечает: «Жала — устала, пошла — не считала». Иван бился-бился. Решил запроводать. Пришел он, Марья спит. Он наложил ножницы, выстриг ей полголовы. Марья на полосы проснулась. «По рукам я, по ногам я, а по плечи не я, плешь не моя».

Вот пришла домой, а Иван ужинает. Она спрашивает: «Иван, дома ли Марья?» — «Дома, дома». Она думает: «Вот беда, неужто не я?» Так Иван от Марьи отвязался, а так все бедовал.

(Ук. АА № 1383; записали С. Лойтер, С. Воронцова, Л. Новожилова в июле 1972 года.)

АННА ИВАНОВНА ЕФРЕМОВА,

70 лет, Пудож

Про волка

Жили-были старик да старуха, парень да девка. У их было семеро овец да соломенный хлевец. Поработали вот они и спать легли. Приходит волк и стучит в ворота: «Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный хлевец! Дайте-ка овечку съисть».

Старик разбудил старуху: «Старуха, поди кинь овечку волку». Старуха выстала, кинула овечку.

Было-было времени, съел волк овечку, сголодался, пришел, опять кричит: «Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный хлевец, дайте-ка овечку съисть».

Так всех овец и съел. Потом приходит опять, говорит: «Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный хлевец! Дайте-ка овечку съисть». Старик говорит: «Вот беда-то, всех овечек съел и опять просит». Делать нечего, бросил ему девку. Долго ли коротко — опять волк приходит, опять просит. Старика делать нечего — парня кинул. Сlopал волк парня, опять приходит, просит. Старик думает: «Что делать? Давай старуху ему шлепну-кину». Кинул и старуху. Ну что делать. Старик один остался, не знает, куда ему спрятаться, то в печку бросится, то выйдет оттуль. «Куда я оберусь?»

Потом нашел бураки (корзина), таки большущи с двумя ручками. Взял, повесил под потолок, туда забрался и сидит там. День просидел, другой просидел. Ну и вдруг приходит волк. И стучит в ворота, ажно дом трещит весь. Ворота выломил, приходит в избу, во хлев сходил — никого нет. Ну и в избу опять. Везде выходил, выискивал — ну нигде нет старика. Дошел до по-

рога, а старик вдруг как зашевелился в корзине. Волк оглянулся — корзина зашевелилась. Значит, там кто-то есть. И подошел к корзине. Скакал-скакал, потом лапой задел за корзину, старик оттуда и мякнул (пал, значит). И волк этого старика в зубы и попер в лес, там его и скочкал. Долго ли коротко ли, волк опять проголодался, захотел опять исть.

«Что бы мне смекнуть?» — думает. Пошел на деревню. Увидел на горы козла. «Козел, поди сюды, я тебя съем». — «Ну, волк, — говорит козел, — не ешь ты меня. Давай сначала ты встань под горку. Я разбежусь под горку, а ты рот раскрой, я прибежу, ты меня и хапнешь». Ну и козел его обхитрил. Бежал-бежал, да где бы в рот ему прыгнуть, а он сбоку обежал да как в брюхо ему тропнет. И разорвал брюхо. Тут волк брякнул на землю и ноги протянул. И вышли все оттуда живы и невредимы: старик да старуха, парень да девка, семеро овец — все вышли. Стали они жить-поживать, добра наживать лучше прежнего. (Ук. АА № 162+122; записали С. Лойтер, А. Ефремова в июле 1973 г.)

ПЕЛАГЕЯ МАКСИМОВНА ШАЛИНА,

81 год. Пудож

Сказка-небылица

Кóлыбы-кóлыбы

Поехали по рыбы.

Рыбки севиньки-ряпуксевиньки.

Да лососинушки да с под осинушки.

А кислы щи да по залисью шли:

На Шалу — поменьки,

На Подпорожье — по сеги,

Для Гакуксы да ловить ряпуксы.

(Записали С. Лойтер, Н. Маликова в июле 1973 года.)

Сказка-прибаутка

Сказка-помазка,

Ялов перстень,

Забежал в кустень.

Лег на соломку,

Хвост на сторонку.

Три года лежал,

Головы не здымал,

А на четвертый голову здынул,

На погост поглянул:

На шогосте кузнец

Колокольчик кует,

Маленьким ребятам

Так дает,

А взрослому на копеечку

Не по одному дает.

(Записали С. Лойтер, Н. Маликова в июле 1973 года.)